

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ЧИЖЕВСКИЙ: В ДВУХ МИРАХ*

Бригитте Фликингер

Статья посвящена Д.И. Чижевскому (1894–1977), философу украинского происхождения, который в 1911–1913 гг. учился в С.-Петербургском университете, а затем с отличием окончил Киевский университет. Его ждала многообещающая академическая карьера, но в 1921 г. по политическим причинам он был вынужден покинуть страну. Чижевский полагал, что национальные культуры не являются фиксированными образованиями, а постоянно трансформируются, будучи прочно связанными друг с другом. В своих работах он обосновывал этот тезис посредством анализа культур Европы, их взаимозависимости и взаимовлияния на протяжении столетий. Отсюда следовал вывод, согласно которому межкультурный обмен может преодолеть непохожесть, а также политические разногласия. В 1921 г. Чижевский уехал в Германию, учился у Э. Гуссерля во Фрайбурге, познакомился с М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером, поддерживал контакты с влиятельными философами своего времени. В Праге он присоединился к лингвистическому кружку Р. Якобсона, в Гааге и Берлине принимал участие в конференциях Международной гегелевской ассоциации. Он стал всемирно известным ученым, специалистом в области истории философии, русской и украинской филологии, славяно-немецких межкультурных отношений. Данное интеллектуально-биографическое эссе основано на документах из немецких архивов, многие из которых пока не исследованы. Кроме того, в основу статьи положены впечатления от личного знакомства автора с Чижевским в его гейдельбергский период (1960–1970-е гг.).

Ключевые слова: философские контакты в Германии, межкультурные отношения, Пражский лингвистический кружок, С. Скворода, Я.А. Коменский, славяноведение в Гейдельбергском университете.

© Фликингер Б., 2021

Институт философии Гейдельбергского университета, Германия

The article is devoted to Dmitry I. Chizhevsky (1894–1977), a philosopher of Ukrainian origin who studied at St. Petersburg University in 1911 to 1913 and later graduated with distinction at Kiev University. As a young man in an epoch of crucial political changes he found himself arrested and threatened to be shot. This traumatic experience haunted him throughout his life. It also caused him to leave his country. In philosophy Chizhevsky held a cultural concept that could make a change. From his point of view national cultures are not fixed entities. They are in constant flux and strongly linked to each other. In his scholarly research Chizhevsky showed how national cultures in Europe over centuries were in a continuous process of mutual influence and relation to each other. Thus, intercultural exchange can bridge otherness as well as political differences. Chizhevsky went to Germany in 1921, he studied with E. Husserl in Freiburg, met M. Heidegger and H.-G. Gadamer and stayed in contact with influential philosophers of his time. In Prague he joined R. Jakobson's famous linguistic circle, in The Hague and Berlin he took part in the conferences of the International Hegel Association. He became an internationally renowned scholar, expert on the history of philosophy, on Russian and Ukrainian philology and Slavic-German intercultural relations. Despite his incredible academic productivity Chizhevsky remained a foreigner in his adopted country. This intellectual-biographical essay is based on documents from German archives. Most of them have not yet been taken into account by other researchers. The article also benefits from its author's personal acquaintance with Chizhevsky in his late Heidelberg years, 1960s and 1970s.

Keywords: philosophical contacts in Germany, intercultural relations, Prague Linguistic Circle, S. Skovoroda, J.A. Komenský, Slavic studies at Heidelberg University.

<https://doi.org/10.31119/phlog.2021.1.139>

* Перевод с немецкого языка Д. Кузнецова.

Профессор Дмитрий Иванович Чижевский (23.03.1894–18.04.1977), философ и славист, является автором многочисленных философских и литературных исследований. Он жил на Западе уже более трех десятилетий, по большей части в Германии, когда весной 1956 г. впервые получил предложение от немецкого университета занять кафедру, стать ординарным профессором. На тот момент ему было уже 62 года. Он очень долго ждал такого шанса. Эта новость застала его в США, где он несколько лет преподавал в качестве приглашенного доцента в Гарвардском университете. Но все же оставаться в США он не хотел ввиду растущего политического давления, поэтому немедленно начал готовиться к своему возвращению в Германию: перед новым стартом – подведение итогов! Он переработал 21 из своих небольших статей, написанных в 1929–1952 гг., для нового издания и передал известному голландскому издательству «Мутон» (Mouton) права на публикацию сборника, с помощью которого хотел достойно представить себя на своем новом месте работы – философском факультете Гейдельбергского университета.

В книге под названием «Из двух миров» [18], опубликованной в том же 1956 г. на немецком языке, автор обозначает уже новое место своей деятельности: «Дмитрий Чижевский, Гейдельберг». Выбор статей для сборника отражает широкое поле исследований опытного ученого. Оно охватывает русскую, украинскую, болгарскую и чешскую истории культуры и идей, их взаимоотношения, а также более крупные темы, выходящие за пределы отдельных эпох и регионов: «Платон в Древней Руси», «Коменский и западная философия», «Немецкая мистика» и в особенности «Якоб Беме в России». Два мира – духовная и культурная история славянских народов и западная, а именно немецкоязычная, культурная и идейная традиция, – согласно взгляду Чижевского, основанному на обширном знании обеих культур, являются не противоположностями, а парой, стороны которой связаны между собой во многих отношениях. Они сформировали его исследовательскую программу и определили его жизнь. В основе этой программы лежит остающийся в силе и сегодня тезис ученого, согласно которому эти плодотворные культурные взаимоотношения существовали на протяжении веков. С тех пор, как в 1921 г., в смутное время Гражданской войны Чижевский покинул в возрасте двадцати семи лет Россию и свою малую родину, южную Украину, он работал над тем, чтобы обнаружить связующие линии, исследовать их и сблизить два мира при помощи своих текстов. Это относилось ко всем пунктам его пребывания: Гейдельбергу, Фрайбургу, Праге, Галле и Марбургу. Перспектива возвращения в Гейдельберг из США теперь обещала возможность продолжить эту работу.

На протяжении своей жизни Чижевский был неутомимым исследователем и писателем. Он оставался верным самому себе и своей Родине, несмотря на то, что не имел возможности вернуться в Советский Союз. В Германии он пережил тяжелое время по окончании Первой мировой войны, злоешие и опасные годы гитлеровского правления и Второй мировой войны, а после нее – голодные годы в скрыто пронизанной антирусскими настроениями атмосфере. В США, во время маккартизма, он стал жертвой политической травли и преследований, направленных про-

тив предполагаемых коммунистов. Все это он смог вынести, будучи убежденным в важности своих философских и культурологических изысканий, со свойственным ему юмором, который не давал ему пасть духом даже в самые мрачные периоды жизни.

Даже запоздалое удовлетворение от приглашения в Гейдельберг заведовать специально для него основанной кафедрой славистики не осталось для Чижевского неомраченным. Какие бы проблемы Чижевский не исследовал, ему везде удавалось снискать академическое признание благодаря невероятной начитанности, необъятному охвату знаний, междисциплинарной компетентности, многообразию и оригинальности творчества. Что касается признания административного, то в данном случае мелочный бюрократизм воспрепятствовал ученому получить подобающее ему звание ординарного профессора из-за его преклонного возраста. В этом случае после активной преподавательской деятельности Чижевский мог бы сохранить свои академические права и принадлежность к университету до конца своей жизни, быть уверенным в обеспеченной старости, выйдя на пенсию. Но он остался всего лишь приглашенным профессором без права на пенсию, хотя его коллеги по философскому факультету активно протестовали против этой несправедливости [42Cd].

К счастью, ему не пришлось испытать последние проявления этого министерского пренебрежения. В 2009 г. появился «Словарь гейдельбергских ученых 1936–1986 гг.» [23]. Однако тщетно было бы искать на его страницах имя Дмитрия Ивановича Чижевского, всемирно известного ученого. Этот претенциозный справочник, строго говоря, упоминает не всех ученых Гейдельбергского университета, а только лишь его профессоров, состоящих на государственной службе.

В представленной статье сделана попытка дать портрет ученого: его жизни, творчества и личности. Статья основана на богатом, отчасти не обнародованном ранее материале гейдельбергских архивов, а также на моих собственных воспоминаниях. Чижевский был моим преподавателем и научным руководителем при написании докторской диссертации в Гейдельберге в 60-х и начале 70-х гг. Наше общение с ним не прекращалось вплоть до его кончины в 1977 г.

При жизни Чижевскому было посвящено несколько юбилейных сборников [25; 30], а после смерти – ряд мемориальных монографий и статей [1; 3; 9; 20; 28]. Его собственное научное наследие представляет собой почти тысячу произведений в разных предметных областях¹. Гейдельбергский университет приобрел после смерти Чижевского очень ценную личную библиотеку ученого, состоящую из почти 14000 томов на двадцати языках. Теперь она находится в открытом доступе в университетской библиотеке – настоящее сокровище не только для его бывших учеников и коллег. Библиотека содержит множество раритетов, фило-

¹ Ср.: Д. Герхард [26] насчитывает 519 публикаций 1912–1954 гг., среди которых более 30 монографий. Х.-Й. цум Винкель [30, с. 35–48] продолжает этот перечень и добавляет к нему еще 196 наименований сочинений, опубликованных до 1965 г. Списка публикаций Чижевского за последние 12 лет его жизни не существует.

софских и филологических работ, собрания сочинений русских, украинских и других славянских писателей, поэтов и мыслителей. Ее долгие годы систематично собирал страстный книжный коллекционер, блестящий знаток славянской и немецкой литературы, истории идей, религии и философии. Его собственные тематические акценты – это философия Гегеля, Гуссерля и Канта, творчество философа и педагога Коменского, украинского философа и поэта Г. Сковороды, писателей и мыслителей Гоголя и Достоевского. Чижевский занимался сравнительными исследованиями мистицизма и пиетизма в Западной и Восточной Европе. В литературных изысканиях основное его внимание было направлено на эпохи барокко, романтизма, символизма и футуризма. С тех пор, как Чижевский стал членом Пражского лингвистического кружка, в который входили Р. Якобсон, Н. С. Трубецкой, Ю. Н. Тынянов, Я. Мукаржовский и др., он занимался лингвистикой, философией языка, формализмом и структурализмом. Русская, украинская и немецкая философия, история идей и культуры входили в сферу его интересов на протяжении всего жизненного пути.

Гейдельбергская библиотека Чижевского – это одно из крупнейших частных собраний из числа приобретенных университетом у своих сотрудников и одно из наиболее востребованных. Книги обозначены в общедоступном каталоге специальным библиотечным шифром «TSCHI», что означает «Чижевский».

Dmitrij Tschizewskij, как он писал свое имя в Германии, – это своеобразная комбинация из транскрипции, взятой из классического немецкого словаря «Дуден», и буквальной научной транслитерации на основе чешского алфавита. Она нередко вызывала недовольство окружающих¹, но все же такое написание устоялось в немецком языковом ареале и используется в нем по сей день.

В университетской библиотеке, помимо книг ученого, в отделе рукописей хранится ценная графическая коллекция Чижевского, авторские рукописи и большая часть его эпистолярного наследия 1944–1977 гг., которое до его смерти находилось у него в квартире [42A]. Только эта часть его наследия занимает 20 метров – во много раз больше того, что оставили своему университету другие гейдельбергские профессора. Кроме того, часть наследия хранится в архиве Гейдельбергского универ-

¹ Один немецкий педант [42A, Хеегер] укорял его: «95 % [немецкого] народа не знают, как произносится “ž”». Он не учел, что буква “ž” удачно замещает отсутствие подходящего звука в немецком языке. Мягкая “ж” чужда немецкому артикуляционному аппарату, и два разных шипящих, расположенные близко друг к другу, очень легко ошибочно ассимилировать. С помощью “*Tschizewskij*” можно, таким образом, избежать “*Tschitschewskij*” при условии, что говорящий осведомлен, что обозначает эта неизвестная буква. Другие способы написания имени и фамилии Чижевского отражают множество языков, на которых он публиковался: Дмитро Чижевський, Дмитрий Чижевский, Dmytro Čyževskyj, D. Chyževsky и т.д. Чижевский был столь же своеобразен в обращении с календарем: родившись 23 марта 1894 г. по юлианскому летоисчислению, он праздновал свой день рождения согласно григорианскому календарю, но 5-го апреля вместо 4-го.

ситета. Среди прочего – письма бывшей сокурснице из Фрайбурга, которые охватывают период в 20 лет (с 1924 по 1944 гг.), т.е. все время, проведенное Чижевским в Праге и в Галле. До сих пор эти письма не использовались в исследованиях по Чижевскому, не были опубликованы и здесь привлекаются впервые. Они воссоздают живой образ их автора и в то же время являются документом межвоенного периода, свидетельством опыта жизни во время национал-социализма и Второй мировой войны¹.

С июля 1957 г. до самой смерти Чижевский жил в историческом центре Гейдельберга, на улице бездельников – Унтерер Фаулер Пельц, дом 2 – по адресу, полностью соответствующему чувству юмора и самоиронии этого профессора, который был совсем не ленивым человеком. Дом «под надежной охраной», как любил замечать Чижевский, прилегает непосредственно к «Фаулер Пельц», гейдельбергской городской тюрьме². Вместе с тем, дом располагается в непосредственной близости к богатому традициями университету, чьи гуманитарные, культурологические институты, лекционные залы находятся в прилегающих исторических зданиях. Можно предположить, что подобное соседство пробуждало желание «прогуляться летом на лекцию босиком». Насколько мне известно, Чижевский не осуществил этот план, но сама мысль об этом казалась нам, умеренно левым «студентам 68-го года», проявлением солидарности с нами. Украинскому профессору были совершенно чужды – это я могу подтвердить собственными воспоминаниями³ – профессорские замашки. Он рассчитывал на признание своих научных достижений, но в остальном потомственный украинский дворянин хранил удивительную внутреннюю свободу.

Жилище Чижевского представляло собой, в общем-то, просторную четырехкомнатную квартиру, если бы только прихожая, комнаты и даже кухня не были заставлены книгами настолько плотно, что сам жилец с трудом мог передвигаться среди них. Посетителей провожали в большой кабинет, где книги не только были аккуратно разложены по полкам, но и покрывали пол стопками метровой высоты. В центре комнаты стоял большой стол, у каждой из длинных сторон которого стояло по свободному стулу, что позволяло расположиться для беседы друг напротив друга. Больше свободного места не было.

¹ Доступ к этому конволюту долгое время был закрыт [42Ca]. В ближайшем будущем появится обширная биография Чижевского на немецком языке, в которой автор данной статьи продолжит использование этой корреспонденции в качестве документа эпохи. Далее я буду ссылаться на эти письма по номерам их архивных файлов.

² Сейчас в «Fauler Pelz» больше не содержат заключенных, а ставят спектакли. Такая «смена декораций» наверняка пришлась бы Чижевскому по душе.

³ С летнего семестра 1964 г. я училась у профессора Чижевского в Институте славистики Гейдельбергского университета и в 1974 г., будучи его аспиранткой, получила докторскую степень по славистике, защитив диссертацию по литературоведению и истории культуры. Моими дополнительными предметами были философия, англистика и восточноевропейская история, которую также преподавал Чижевский.

В последние годы жизни Чижевского гейдельбергская библиотека требовала вернуть книги, взятые ученым, отправив ему несколько напоминаний о необходимости возврата, и, наконец, попыталась принудить его к исполнению этого требования, подав против него судебный иск. Истец легко мог бы убедиться на месте, что найти недостающие экземпляры университетской библиотеки среди 14000 собственных книг Чижевского решительно невозможно. В конце концов, эта потеря была многократно возмещена, когда университетская библиотека после смерти Чижевского в 1977 г. смогла приобрести у его дочери всю его библиотеку, которая оценивалась в сто тысяч немецких марок, чуть больше чем за половину стоимости. Среди приобретенных наверняка были и те самые пропавшие книги.

Рабочая «берлога» неутомимого и без остатка преданного науке ученого могла бы создать впечатление, что он проводил свои исследования в одиночестве и изоляции. Однако это далеко от истины. Он был чрезвычайно открытым человеком и с радостью общался с коллегами, знакомыми и студентами. Во время учебы в университете его всегда можно было попросить о личной беседе, а на письменные вопросы по поводу своей работы или по поводу особых научных находок вы неизменно получали подробные и снабженные ценными указаниями ответы. Это всегда было общением на равных. Я сохранила некоторые из писем Чижевского ко мне. По ним можно судить, что Чижевский всем сердцем содействовал научному росту молодых ученых. Разумеется, мы были в курсе его симпатии к курьезным вещацам. Поэтому мы отправляли ему открытки с примечательными видами из наших путешествий или приносили ему что-нибудь, что впоследствии долго находилось на его рабочем столе рядом с книгами и бумагами¹. Также он с удовольствием показывал свои диковинки, например свой фотопортрет на почтовой марке. Позже он охотно принимал участие в нашем журфиксе – философско-литературных пятничных вечерах в «Винном погребе Фишера», во время которых он порой с явным удовольствием развлекал собравшихся удивительными научными открытиями.

Для Чижевского частью академической жизни были, кроме того, многочисленные визиты к нему домой и в институт его издателей, а также коллег из Германии и из-за рубежа. Он был связан с ними обширными интересами в истории философии, сравнительном литературоведении, а также исследованиями в области языка и культуры. Кто приезжал в Гейдельберг, тот также посещал и Чижевского. То, что это было само собой разумеющимся, связано с тем, что Чижевский не только был неутомимым исследователем, но и таким же неутомимым корреспондентом, поддерживающим интенсивные контакты с бесчисленным количеством адресатов. Объем его корреспонденции напоминает о минувших веках, когда путешествия были делом трудным и продолжительным и

¹ Многие из наших подарков он сохранил. Я увидела их вновь, когда помогала его дочери убирать квартиру после его смерти. До сегодняшнего дня даже наши студенческие письма и открытки хранятся в его эпистолярном наследии, как будто они являются частью истории института.

ученые общались с помощью переписки. Он делал и то, и другое. Поездки предусматривали ответные визиты, а вместе с этим, как это происходит и сегодня, научные доклады. Многие из его писем, даже деловых, обладают литературным достоинством. Многие являются богатым источником информации о повседневной жизни, которая в наполненные катастрофами годы была вдвойне трудной для лишённого гражданства эмигранта.

Жизнь и работа

Дмитрий Чижевский вырос в родовом имении, находившемся в южнотатарском городе Александрия Херсонской губернии. Сначала, в 1911–1913 гг., он изучал в Петербурге математику и астрономию, статьи по которой он публиковал уже в восемнадцатилетнем возрасте, а дополнительно – философию. Как политически активный социал-демократ, он вступил в конфликт с властями в эти последние, бурные годы царского правления перед началом Первой мировой войны. Он попал в тюрьму, а после освобождения перевелся в сопоставимый по известности с Санкт-Петербургским Киевский университет, где полностью сосредоточился на философии и русской филологии. В 1919 г. Чижевский успешно закончил обучение и получил приглашение от двух киевских вузов занять преподавательскую должность, а также получил возможность писать диссертацию по философии в Академии наук. Затем он снова подвергся политическим преследованиям, на сей раз со стороны большевиков. Социал-демократически ориентированный философ вновь был арестован и едва избежал расстрела, о чем позже рассказывал¹. Это стало для него внешним толчком к тому, чтобы покинуть страну.

Весной 1921 г. Чижевский бежал со своей женой Лидией Маршак² через польскую границу в Германию и решил, чтобы извлечь пользу из своего бегства, дополнить свое философское образование несколькими учебными семестрами за рубежом.

Гейдельберг

В мае 1921 г. Дмитрий Чижевский впервые оказался в Гейдельберге. На тот момент там уже учился его шурин, друг и товарищ по Киевскому университету Яков Маршак. Несмотря на действующие ограничения присма в баденские университеты иностранцев³, Чижевский смог посту-

¹ В. Беркефельд [30, с. 29] пишет о «нерасстрельном дне» в стиле, характерном для забавных рассказов Чижевского. Беркефельд принадлежал к кружку учеников Чижевского в Галле.

² Лидия Маршак (8.02.1897–26.10.1983) – украинская социал-демократка, вышла замуж за Чижевского в 1919 г. Их дочь Таня, по прозвищу Топси, появилась на свет в Париже 18 июня 1924 г.

³ Министерство культурных дел и образования, исходя из последствий войны, разъясняет (3.02.1920): «Причины вводимых нами ограничений основаны, во-первых, на желании избежать поступления политически неблагонадежных иностранцев, а во-вторых, на переполненности наших высших учебных заведений, и наконец – на существующем недостатке продуктов питания и нехватке жилья» [42Сб].

пить в Гейдельбергский университет на зимний семестр 1921/22 гг. Вместе с Маршаком¹ он посещает философские семинары «Логика Гегеля» профессора Г. Риккерта и «Критика практического разума Канта» профессора Г. Майера [42Сс]. Таким образом, через Канта и Гегеля Чижевский вернулся к углубленному изучению немецкой философии, которая и прежде была его учебным приоритетом. Психиатр и представитель экзистенциальной философии К. Ясперс только что был назначен, наряду с Риккертом, вторым ординарным профессором. Чижевский посещает его лекции по курсу «Психология религии», а также лекции по курсу «Значение психопатологии в исследованиях культуры» доктора медицины Вальтера Груле.

Там Чижевский познакомился с Н. фон Бубноффом (1880–1962). Урожденный петербуржец, он защитил в Гейдельберге «промоцион» и «габилитацион» – кандидатскую, а затем и докторскую диссертации по философии. В качестве доцента он читал курсы лекций «Философия греков», «Шопенгауэр и Ницше», «Религиозная философия», а также вел практикум по русской литературе и истории мысли. В университете не было отдельной специальности «Славистика». Однако за пределами университета с 1920 г. существовал так называемый «Славянский институт», который был создан «Фондом Эдуарда фон Портхайма» для опиротевшей библиотеки бывшего «Русского читального зала Пирогова»².

Чижевский покидает Гейдельберг уже по завершении семестра. Сам он никак не комментировал смену ВУЗа. Мы можем, однако, предположить, что молодой философ ищет чего-то более актуальное, чем подчеркнуто традиционная философия ценностей неокантианца Риккерта. После смертоносной Первой мировой войны «Философия жизни» (1920) Риккерта с ее фундаментальной критикой «модных тенденций нашего времени» в области философии [31, с. 50 и сл., с. 151; 8, с. 230 и сл.] кажется малоубедительной, тем более что она полемизирует с экзистенциальной философией К. Ясперса и феноменологией Э. Гуссерля. Чижевский уже в Киеве восхищался гуссерлевской философией [7, с. 400]. Первая часть «Логических исследований» уже в 1909 г. вышла в русском переводе в Санкт-Петербурге [40]. В 1911 г. последовала публикация статьи Гуссерля «Философия как строгая наука» [41]. Уже тогда благо-

¹ Позднее шурин защитил докторскую диссертацию по экономике и «габилитацию» – высшую степень академической квалификации – в Гейдельбергском университете. Стремясь избежать преследований со стороны нацистов, он бежал в 1933 г. в Англию под именем Jacob Marschak, а затем сделал блестящую карьеру в США. Незадолго до своей смерти в 1977 г. он был избран президентом «Американской экономической ассоциации».

² «Русский читальный зал» был оборудован в XIX в., когда в 1862 г. в Гейдельберг для оказания попечительства русским студентам был направлен врач Н.И. Пирогов. К началу Первой мировой войны библиотечный фонд вырос приблизительно до 3000 единиц хранения: это были книги, газеты, «толстые журналы». Росло в нем и число революционных журналов и листовок [29]. Только в 1932 г. эта библиотека вошла в состав университета. Позже она стала ядром специализированного университетского «Славянского Института» [11, с. 172 и сл.].

даря ученику Гуссерля Г. Шпету и рецепции философии Гуссерля А. Лосевым в России зародилось «феноменологическое движение» [41, с.15 и сл.; 2, с. 15–21].

Представления Чижевского, приехавшего в Гейдельберг в 1921 г., несомненно, все еще находились под влиянием сообщений русских студентов довоенной поры. Еще десятью годами ранее он обнаружил бы в этом университете целую «русскую колонию» – студентов, которые после революции 1905 г., исполненные оптимизма, отправились из Российской Империи учиться в Германию, причем многие выбрали именно Гейдельберг. Они учились, дискутировали, отмечали праздники и имели прекрасные отношения с остальной частью студентов. К «русской колонии» Гейдельберга принадлежали тогда Ф.А. Степун (1884–1965), который в 1910 г. получил докторскую степень за исследование под руководством В. Виндельбанда религиозной философии В. Соловьева, будущий исследователь Гегеля Б.В. Яковенко (1884–1949), ученик Риккерта С.И. Гессен (1887–1950). «Немецко-русский круг друзей» и в особенности «Русский читальный зал Пирогова»¹ были местами публичных философских встреч в Гейдельберге. Многие из студентов жили в старой части города, «Altstadt», и встречались не только на лекциях, но и на улицах, в пивных барах или будучи приглашенными в дома профессоров [10, с. 73]. Основанный в 1910 г. «Логос, международный ежегодник по философии культуры», был совместным русско-немецким проектом. В редакционный совет входили Степун, Гессен, Яковенко вместе с Р. Кронером и Г. Мехлисом. С самого начала «Логос» задумывался как европейский, транснациональный философский журнал, который должен был выходить «на четырех или пяти европейских языках». С 1910 по 1914 гг. было выпущено 8 номеров русского издания. Однако с началом Первой мировой войны свет погас. Иностранцам студентам пришлось покинуть страну.

1921 г. – совсем другое время. Послевоенная жизнь скудна. Оптимизм в отношении прогресса уступил место разочарованию. Боевые действия и человеческие потери Первой мировой оставили глубокие шрамы как на Западе, так и на Востоке.

Фрайбург

Весной 1922 г. Чижевский отправляется во Фрайбург на кафедру к Э. Гуссерлю. Фрайбург – это еще один небольшой город, в котором легко установить академические контакты. Кроме того, Шварцвальд предлагает страдающему от хронической астмы и тоскующему по южному теплу украинцу лучший, более мягкий климат. Однако решающее значение для смены города имеют философские интересы ученого. Во Фрайбурге Чижевский может лично посещать лекции Гуссерля и подробнее изучить его феноменологию. В 1920-е гг. Гуссерль считается самым значительным из живущих немецких философов. Чижевского привлекает тот факт, что Гуссерль сначала изучал математику и астрономию и от есте-

¹ Степун живо описывает в своих воспоминаниях студенческую жизнь в читальном зале и вокруг него [32, с. 140–146].

ствознания через логику пришел к философии. Для молодого поколения философов послевоенных лет феноменология была притягательной именно ее претензией на строгую научность. Таким образом, в 1922 г. вокруг 63-летнего Гуссерля во Фрайбурге собралась большая группа одаренных учеников: студентов, аспирантов и окончивших обучение философии. В этой среде Чижевский получает возможность завести много интересных и важных для его жизни знакомств и дружеских связей. С 1919 г. личным ассистентом Гуссерля является М. Хайдеггер (род. в 1889 г.). Он все еще занимает эту должность, когда Чижевский приезжает во Фрайбург на летний семестр 1922 г. В следующем году Хайдеггер покидает эту должность, чтобы посвятить себя работе над диссертацией на соискание ученой степени «Habilitation». Уже в зимнем семестре 1923/24 гг. его назначают на должность экстраординарного профессора в Марбурге. Ассистентом Гуссерля становится Л. Ландгребе, которому был всего 21 год. Позже Чижевский вновь встречает его в Пражском лингвистическом кружке [5, с. 40–42]. В близкий круг общения Чижевского входит также Р. Кронер. Этот ученик Риккерта, на десять лет старше Чижевского, соучредитель «Логоса» и друг Степуна, становится в 1930 г. президентом Международного гегелевского союза (Internationaler Hegelbund), основанного в Гааге. Еще одним собеседником Чижевского во Фрайбурге был Ю. Эббингхауз (род. в 1885 г.), который защитил в Гейдельберге докторскую диссертацию, написанную под руководством В. Виндельбанда, о развитии философии от Канта до Гегеля. После своей габилитации (также по Гегелю) он стал приват-доцентом у Гуссерля во Фрайбургском институте, позже получил должность профессора в Марбурге, а по окончании войны, в 1945 г. – как раз тогда, когда Чижевский приехал из Галле в Марбург, американские оккупационные власти назначили его ректором Марбургского университета. Об этом речь пойдет позже, здесь же я упоминаю об этом только для того, чтобы показать, что Фрайбург является для Чижевского источником почти всех его философских связей.

Чижевский с летнего семестра 1922 г. посещает учебные курсы по философии, наслаждается оживленными дискуссиями на семинарских занятиях и совместными выездами на природу. В том же году во Фрайбург приезжает Степун, после того как он был выслан советскими властями из России «без права на возвращение». Кроме того, Чижевский знакомится здесь с Х.-Г. Гадамером, который после получения докторской степени в Марбурге ищет новое направление для своей габилитации. Гадамер возлагает большие надежды на Хайдеггера, но первое впечатление от встречи с ассистентом Гуссерля было для него шокирующим: «...совершенное потрясение от слишком ранней самоуверенности», – вспоминает Гадамер в книге «Философские учебные годы» [25, с. 23]; превосходство Хайдеггера вызвало в нем глубокую неуверенность в себе.

У студента из Киева, который участвует в институтской жизни в известной мере «вне конкурса», таких проблем нет. Второе образование, которое он получает во Фрайбурге, в первую очередь его стимулирует и обогащает. Это не заставляет его радикально порвать со своими прошлыми интересами, в особенности с Кантом и Гегелем, в пользу феноме-

нологии. Первая философская книга Чижевского, вышедшая в Праге в 1924 г., – это украинский текст лекций по логике [47]. Философские связи, сложившиеся за время четырех семестров обучения во Фрайбурге, несмотря на богатую переменами жизнь Чижевского, навсегда остаются для него теми связями, к которым он может обратиться. За короткое время, проведенное во Фрайбурге, Чижевский не получил докторской степени, как это порой утверждают.

Прага

Как и в случае с побегом из Советской России не сам Чижевский, а суровая действительность определяет его дальнейший жизненный путь. Безденежье и семейные обязательства вынудили его в марте 1924 г. покинуть Фрайбург и принять должность преподавателя философии в Украинском высшем педагогическом институте в Праге. Этот институт не принадлежит к числу трех наиболее значимых пражских университетов, и его не следует путать с Украинским свободным университетом. Чижевский не получает никаких перспектив для академической карьеры. Там он чувствует себя изолированным, и ему не хватает фрайбургского круга философов. Кроме того, его философские курсы посещают лишь несколько студентов, что снижает его доходы, зависящие от количества слушателей. Но по крайней мере политическая ситуация в Праге в те годы, при Т. Масарике, была относительно либеральной и демократической. После Вены и Берлина Прага является третьей крупной международной культурной столицей. Наряду с чешскими, словацкими и немецкоязычными жителями здесь особенно много эмигрантов из России. Впрочем, они не составляют единую группу, поскольку причинами их отъезда из страны были разные политические убеждения. Это разделяет их и за рубежом. И вскоре в письме к своей фрайбургской однокурснице Ф.Х.¹ Чижевский констатирует, что он, вероятно, был для своих соотечественников, «как оказалось, не в достаточной степени русофобом... как Вы знаете, таковым я и не являюсь» [42Са, №2]. Его удрученное состояние нашло себе наглядное выражение в образном описании пражской погоды. Тем не менее, он намерен не позволить себе пасть духом: «14 мая 1924 г. ...отвратительно холодно, сыро, туманно и – что здесь в порядке вещей – ужасно грязно. Не нужно быть пессимистом, чтобы видеть все в черном цвете, об этом в достаточной мере заботятся все пражские дымоходы, дым из которых чудесным образом уходит не в небо, а вниз к земле (по пути – [к]

¹ С 1924 г. в течение двадцати лет Чижевский был связан с ней дружеским сотрудничеством и перепиской (почти исключительно на немецком языке). Она корректировала его немецкоязычные рукописи, делала копии, помогала обставить его квартиру в Галле и обеспечивала его продуктами во время войны. Она защитила докторскую диссертацию и стала ассистентом в Мюнстерском университете. На 10/11 марта они договорились о еще одном ее визите в Галле [42Са, №361]. Затем переписка обрывается. В марте 1944 г. она умирает в Галле при неизвестных обстоятельствах. По официальным данным, 23 марта 1944 г. в Галле была объявлена двухсотая по счету воздушная тревога, однако о каком-либо ущербе не сообщалось.

нашим легким). Но я не так уж пессимистичен (я вообще никогда не пессимистичен). Существует, однако, и объективный пессимизм, основанный не на моих воззрениях, а на действительности» [42Ca, №26].

Пражский климат усугубляет астму Чижевского. В первое время в еще большей степени удручала его нехватка общения с разделяющими его философские интересы людьми. Учебные курсы, которые он взялся читать, эту нехватку восполнить не могли. Из-за низкой зарплаты доцента и сложностей с получением визы планы путешествия, о котором он несколько раз пишет: «Дрезден – Берлин – Франкфурт – Гейдельберг – Фрайбург», остаются лишь мечтой: «У меня все время чувство, что я очень скоро, “уже завтра”, поеду в Германию... К сожалению, “завтра” имеет для меня уже почти чешское значение. По-чешски слово “сегодня”, собственно, означает в основном “в течение месяца”, а “завтра” означает никогда» [42Ca, №10].

После рождения дочери Татьяны в Париже 18 июня 1924 г. его жена Лидия с ребенком тоже переезжают в Прагу. О совместной жизни, хотя бы по финансовым причинам и с учетом его работы, нечего было и думать. Татьяна живет у матери, и в дневное время, пока Лидия изучает медицину, находится в монастыре на попечении его немецкоговорящих насельниц. Лишь изредка, когда Топси болеет или Лидия не может быть в Праге из-за работы, заботу о ребенке берет на себя отец и учит говорить по-русски [42Ca, №70].

Желание Чижевского как можно скорее покинуть Прагу не исполняется. Чтобы не оставаться на обочине научной жизни и повысить доходы семьи, он достигает невообразимой продуктивности: с 1924 г. по 1932 г. пишет более сотни рецензий для российских, украинских, чешских и немецких специализированных журналов. Это позволяет ему быть в курсе последних исследований и делает его посредником между культурами. Кроме того, известность Чижевского выходит за пределы региональных профессиональных кругов. В то же время, растет его авторитет среди пражских интеллектуалов, и, что не менее важно, его личная библиотека «прирастает» бесплатными экземплярами рецензируемых им изданий. Отсюда, в свою очередь, проистекают бесчисленные предложения выступить с докладами, что приводит к установлению дальнейших контактов. Помимо прочего, в эти годы Чижевский пишет три книги на украинском языке, редактирует сборник статей на немецком и публикует более восьмидесяти журнальных статей (некоторые статьи были написаны на польском, хорватском и французском языках) [26].

Вскоре Чижевский встречает в Праге своих старых знакомых Ф. Степуна и С. Гессена, также здесь поселились русский феноменолог Н.О. Лосский и неокантианец И.И. Лапшин. Последних двух Чижевский знает по учебе в Санкт-Петербурге. Вместе они основали в 1926 г. Русское философское общество в Праге. Обычно они встречаются еженедельно, читают друг другу доклады и публикуют протоколы собраний – сначала в различных журналах, а вскоре уже в собственном, соименном обществе печатном органе. В этом кругу Чижевский находит возможность продолжить свои феноменологические штудии, и время от времени ему все же удается проводить каникулы во Фрайбурге. Тогда он снова селится в

районе Церинген, посещает Гуссерля, Эббингхауза и других фрайбургских философов, а с 1928 г. и Хайдеггера, вернувшегося во Фрайбург из Марбурга.

Во множестве его публикаций пражских лет можно выявить тематические линии и основные акценты его исследований. Для него по-прежнему остается актуальной философия Гегеля, а к ней добавляется интерес к Сквороде и Достоевскому. В 1926 г. Чижевский публикует важный труд по истории философии «Философия на Украине» [46]. В сборник вошла не только украинская философия в узком смысле слова, но и украинские авторы, писавшие на русском языке, а также русские, и даже немцы, занимавшиеся философией на Украине (например, ученик Фихте И. Б. Шад). В 1929 г. Чижевский начинает многолетнее изучение творчества Г. Сквороды, самого значительного украинского философа XVIII в. Он исследует связь идей Сквороды с античностью и христианством, влияние неоплатонизма, параллели его символично-образного языка с немецкой мистикой. Статья «Скворода и немецкая мистика» публикуется на чешском языке в «Трудах Русского народного университета в Праге» (1929). Статью «Скворода, украинский философ (1722–1794)» [38] Чижевский посвящает Э. Гуссерлю ко дню его 70-летия. Она появляется в Бонне в журнале «Русская мысль» («Der Russische Gedanke»). Этот журнал, издававшийся на немецком языке Б. Яковенко, был полностью в духе Чижевского задуман как «европейская трибуна, призванная служить не только русским философам, живущим в изгнании, но и всем современным направлениям русской философской мысли и русской духовной культуры» [24, с. 113]. Он должен был познакомить Запад с русской философией и ее взаимодействием с европейскими традициями. В том же номере журнала в статье «Эдмунд Гуссерль и русская философия» [27, с. 210 и сл.] Яковенко отдает должное влиянию Гуссерля на русскую мысль. Об этом же говорится и в работе Чижевского «О формализме в этике», написанной под воздействием гуссерлевской феноменологии [4].

В то же время, Чижевский своими многочисленными философскими и лингвистическими докладами и статьями о Достоевском, а также в качестве издателя сборника «Dostojevskij-Studien» вносит свой вклад в изучение творчества великого русского писателя, вызывавшего на тот момент огромный интерес у европейского читателя. Выпуск 22-томного издания произведений Достоевского в немецком переводе издательства «Пипер» (Piper) в 1920-е гг. еще больше усилил увлечение русским классиком. Особенно большой успех имеет статья Чижевского «К проблеме двойника у Достоевского. Попытка философской интерпретации» [17].

В 1928 г. на польском языке, а спустя год на украинском языке в научном журнале своего института Чижевский публикует статью о Гегеле и французской революции [44]. Статья «Гегель и Ницше» выходит 1929 г. в Париже [16]. Однако его все больше интересует вопрос о том, какую роль играет «Гегель у славянских народов». Об этом в апреле 1930 г. он делает доклад на учредительном конгрессе Международного гегелевского союза под председательством Р. Кронера в Гааге [39, т. 1]. На втором Международном гегелевском конгрессе в Берлине в октябре 1931 г. Чи-

жевский принимает участие уже в качестве члена президиума Гегелевского союза [39, т. 2, с. 200]¹.

В пражские годы оформляется тезис Чижевского о культуре: различные культуры, в зависимости от их коллективного исторического опыта, обычаев и традиций, насквозь пропитаны национальными особенностями. Однако как культуры они и не статичны, и не замкнуты, а развиваются дальше и постоянно воздействуют друг на друга. Выяснение взаимовлияний становится основным предметом его исследований, не ограничивающихся духовной историей отдельных наций и эпох. В связи с этим он все больше сосредотачивается на художественной литературе, публикуя ряд исследований: «Тютчев и немецкий романтизм» (1927), «Шиллер и братья Карамазовы» (1929), «Dostojevskii i zapadno-evropska filozofija» (Загреб, 1931), «Гете в России» (1932), «Немецкая мистика у восточных славян» (1932).

С 1929 г. Чижевский активно участвует в работе Пражского лингвистического кружка, ставшего впоследствии легендарным. 27 января 1930 г. он читает там доклад «Фонология и психология», 9 января 1933 г. – «К истории русской философии», 23 апреля 1934 г. – «Новая философия языка» и 18 марта 1935 г. – «Поэзия барокко» [5, с. 611, 612]. В кружке он находит теоретический базис, открывший для него путь к соединению философии и филологии, феноменологии Гуссерля и формалистских, или структуралистских, методов языкового и литературного анализа в том виде, в каком они разрабатывались в Праге с 1926 г. Р. Якобсоном и другими членами кружка.

Но уже давно стало понятно, что «в Праге институт ожидает медленная смерть» [42Са, №63]. После публикации «Философии на Украине» в 1926 г. Чижевский получает право носить звание профессора в Праге², но

¹ Тридцать лет спустя Гадамер обращается к Чижевскому как к «единственному члену правления прежнего [Международного] гегелевского союза, находящегося сегодня в Германии», с просьбой принять участие в запланированном после Второй мировой войны повторном основании Союза с целью возрождения его традиций. Гадамер пишет, что Кронер, который находился со времен нацизма в изгнании в Америке, а затем в Швейцарии, также готов принять участие. Для этого новое объединение должно прийти на смену Обществу Гегеля доктора Бейера [42А, письмо Гадамера от 19 февраля 1960 г.] Таким образом, в 1962 г. было основано Международное гегелевское объединение (Internationale Hegel-Vereinigung e.V.). Но бейеровское Общество Гегеля тоже сохранилось. С 1958 г. оно существует также с добавлением «Международное» и ложно обозначает себя как «старейшее общество, посвященное гегелевской философии».

² Согласно рецензии С.И. Гессена в «Der russische Gedanke», 1 (1), 1929, с. 105–106 [ср. 46]. Но украинская габилитация Чижевского относится к непроясненным пунктам его биографии. 26 октября 1927 г. он пишет в частном письме: «В 17-м году мне было 22 года. Затем произошла революция. В 1919 г. я закончил [учебу] и сразу же был арестован, затем уехал, во всяком случае до начала 21-го года почти не работал. Потом я габилитировался – Бог знает каким образом – но сразу уехал» [42Са, №43]. В его резюме, которым он представил себя Гейдельбергской академии наук в 1962 г., его габилитация датируется 1929 г. и в качестве габилита-

надежды на место профессора в немецкоязычном Карловом университете или в Русском народном университете в Праге, или же в Берлинском университете не оправдываются [42Са, №35]. Несмотря на рекомендательное письмо Гуссерля, до сотрудничества с немецкими философами из Карлова университета дело не доходит. В своих пражских воспоминаниях Чижевский высказывается критически: «Ординарный профессор немецкого университета [Оскар] Краус был преданным последователем Франца Brentano и даже настолько преданным, что, по его собственным словам, у него в Философском институте не было сочинений “Канта и подобных ему людей”. Несмотря на мой интерес к Brentano, я не мог разобраться в пражских философских традициях. Меня особенно удивило то, что немецкий ординарный профессор, родившийся в Праге, не знал ни слова по-чешски. А философы в чешском университете были... на мой взгляд, не философами, а тупоумными позитивистами» [34, с. 16].

Посредством переписки Чижевский внимательно следит за «философскими событиями» в Германии. Х.-Г. Гадамер и Г. Крюгер габилитировались в Марбурге, Гуссерль досрочно отправился на пенсию. Его фрайбургскую кафедру занимает Хайдеггер, чья инаугурационная речь горячо обсуждается среди философов. Кронер приглашен в Киль. Праги достигла также и новость о том, что Гуссерль слышал в Париже множество хвалебных отзывов о русских работах Чижевского и сам публично признал высочайший уровень его исследований.

Супруги Чижевские живут в Праге, однако в стесненных обстоятельствах. Чижевский даже подумывает о продаже части своей библиотеки, чтобы какое-то время иметь возможность спокойно писать и таким образом получить немецкую академическую квалификацию [42Са, №89]. Он мечтал бы сделать это в мягком климате южной Германии, на своей второй «родине» во Фрайбурге, где он уже сейчас, по возможности, проводит свободное от лекций время. Но цена, которую за это пришлось бы заплатить, – продажа библиотеки – была слишком высока.

Галле/Заале

В 1932 г., через 11 лет после своего побега из Советской России, Чижевский впервые получает должность в немецком университете. Его приглашают в Галле не как профессора, а лишь как лектора, и даже не как философа, а как слависта. Но это для него, при его широком междисциплинарном подходе, согласно которому литература и язык тесно связаны с философией, историей культуры и идей, не является препятствием. Для него важно иметь возможность продолжать здесь свои германо-славянские межкультурные исследования и вдохновлять немецких студентов на работу в этой новой области. То, что университет в Галле во время экономического кризиса (уровень безработицы составляет почти 30%) вводит новую должность и даже открывает новую филологическую учебную специальность – славистику (наряду с германистикой, англистикой и романистикой), граничит с чудом. «Достаточно высокая зар-

ционной диссертации указана работа «Гегель и французская революция». Однако в 1929 г. на эту тему была опубликована лишь одна статья [ср. 44].

плата» (несмотря на вычет 20% в соответствии с «чрезвычайным постановлением») позволяет философу надеяться на то, что вскоре он сможет расплатиться со своими долгами [42Ca, №126]. Даже если поначалу «город Галле и его окрестности» кажутся ему «настолько непривлекательными, насколько это только возможно», а университетский стиль – застывшим и традиционным, то дружеский прием на философском факультете переубеждает его, так что вскоре он констатирует: «...вообще в академических кругах здесь можно чувствовать себя очень хорошо» [42Ca, №127]. Полный ожиданий, он готовится читать в летнем семестре 1932 г. лекционный курс «Гоголь и Достоевский» и четыре языковых курса: русский для начинающих, русский для продвинутых и краткие (одночасовые) занятия по украинскому языку. Однако начало семестра действует отрезвляюще. На всех его курсах в совокупности присутствует лишь 11 участников, из которых всего двое числятся студентами. Лекционный курс отменен. «Мне действительно не ясно, как министерство могло решиться назначить лектора на такую должность», – пишет он после первой недели семестра [42Ca, №128] и опасается, что его немедленно уволят, тем более что срок действия разрешения на проживание, выданного полицией, истекает уже в середине мая. До увольнения, которого он опасался, дело не доходит. Правда, начальник полиции Галле действительно пытается препятствовать зачислению эмигранта на должность. Однако он терпит фиаско из-за сопротивления либерального руководства университета, которое решительно вступает за своего нового преподавателя, чьи профессиональные качества были горячо рекомендованы крупным берлинским славистом М. Фасмером¹.

За короткое время вокруг Чижевского собралась группа заинтересованных учеников, вдохновленных богатыми знаниями, «универсальностью» [29, с. 19] и личной увлеченностью своего «профессора». Фактически этот преподаватель выполняет профессорские обязанности. «Уже во втором семестре в Галле Чижевский [представляет] всю литературную, интеллектуальную и церковную историю славянских народов» [15, с. 29], а также берет на себя преподавание славистики в Йенском университете. Вскоре у Чижевского появляется несколько докторантов, которые защищают диссертации под руководством «лектора» вследствие «экстраординарного разрешения со стороны философского факультета Галле»². Один из них – Д. Герхард, впоследствии ставший ординарным профессором в Мюнстере и Гамбурге.

Курьезность этого институционально двусмысленного положения напоминает анекдоты самого Чижевского: в то время как он, вопреки всем

¹ В Галле до сих пор чтут память о знаменитом жителе: <https://www.catalogus-professorum-halensis.de/tschizewskydimitry.html>. В 1990-е гг. выдающийся вклад в осмысление творчества Чижевского как слависта в Галле внесли, прежде всего, славист А. Рихтер [1; 3; 22] и специалист по Я. А. Коменскому В. Кортхаазе [6; 12; 20]. В 2007 г. публицист В. Янцен издал первый чрезвычайно содержательный том запланированного им трехтомного собрания материалов к биографии Чижевского в русском переводе [45].

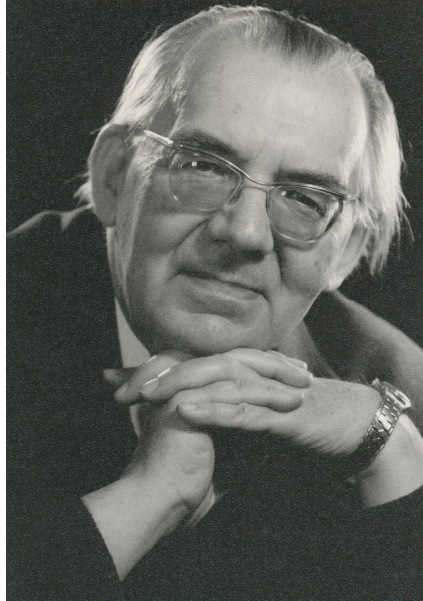
² Автобиография Чижевского (23/VI 1962) [42B].

академическим правилам, даже руководит написанием докторских диссертаций, «лектор профессор Димитрий Чижевский», согласно сообщению в «Хронике университета г. Галле 1933–36 гг.» (стр. 26), «избран действительным членом Украинского научного общества им. Шевченко в Лемберге (Польша)». В то же время происходит, наконец, защита докторской диссертации на философском факультете. В качестве диссертации Чижевский представляет свой 250-страничный философский труд «Гегель в России». 8 июля 1933 г. он пишет в частном письме: «В среду я сдал экзамен (с отличием, *summa cum laude*). Ничего интересного при этом не произошло. Моя подготовка заключалась в том, что я поручил погладить мой черный костюм, выпил перед экзаменом мокко и съел мороженое» [42Ca, №164]. Его основной предмет на экзамене – философия, второстепенные предметы: индогерманистика и история церкви. Славистика – область, в которой он трудоустроен – в этом *Rigorosum* не фигурирует. С публикацией «Гегеля в России» в 1934 г. процедура получения докторской степени завершена («Хроника университета г. Галле 1933–36 гг.», стр. 230). Чижевский публикует эту работу вместе со своей статьей «Гегель у словаков» и работами других авторов по философии Гегеля у поляков, чехов, югославов, болгар в одном томе под названием «Гегель у славян» [21]. Книга до сих пор считается одним из самых важных его произведений по истории философии. Часть, посвященная России, опубликована, помимо этого, отдельно на русском языке в Париже [43].

Чижевский устраивается в Галле по-домашнему, переезжает из двух меблированных комнат «в очень хорошем районе» (Kurallee, 12) в расположенную неподалеку квартиру (Reilstraße, 87), которую он обставляет согласно собственному вкусу. Он наслаждается интенсивной концертной жизнью в родном городе Генделя и академическими беседами с коллегами-профессорами. Он поддерживает тесные контакты со швабским теологом Э. Бенцем и классическим филологом и философом Ю. Штенцелем.

Э. Бенц, который в 1931 г. габилитировался в Галле в области истории церкви и вероучения, изучает теперь русский язык с Чижевским и путешествует с ним по южнославянским землям с целью знакомства с наследием Восточной церкви. В 1935 г. Э. Бенца приглашают принять экстраординарную профессию в Марбурге¹. Профессор Ю. Штенцель, общепризнанный знаток Платона, в качестве наказания был переведен из Киля, где уже давно бесчинствовали антисемитские национал-консервативные и национал-социалистические студенческие группы, как «политически неблагонадежный служащий» в Галле. Здесь несгибаемый гуманист, женатый на еврейке, живет в практически полном обособлении от общественной жизни. Но для своих учеников и друзей в 1933/34 учебном году он все же организует в своей частной квартире вечера философских чтений, в которых охотно участвует и Чижевский. В 1935 г. Ю. Штенцель умирает в возрасте всего лишь 52 лет. Его жене с сыном удается эмигрировать в США.

¹ См. публикации Э. Беца в сотрудничестве с Чижевским: «Дух и жизнь Восточной церкви» и «Русские легенды о святых» (пер. Д. Чижевского и др.) [13; 14].

Д. И. Чижевский. 1960-е гг.
 Архив Гейдельбергского университета. UAH, BA Pos. I 3076

Чижевский продолжает традицию вечерних чтений, которые организовывал почитаемый им коллега, у себя дома на Рейльштрассе. Он полностью отдает себе отчет в возрастающем политическом давлении и небезопасности своего собственного положения при национал-социалистической власти. Как выходец из Восточной Европы, без гражданства и посредством своего брака, по выражению того времени, “породнившийся с еврейством”, он может в любой момент быть арестован и депортирован в лагерь¹. Парадоксально, но именно понижение академического статуса с «пражского профессора» до «лектора в Галле» обеспечивает ему определенную защиту: поскольку с 1933 г. в университетах выражение «приверженности Адольфу Гитлеру и национал-социалистическому государству» требуется только от профессоров², то его, как лектора, который является не «государственным служащим», а лишь внештатным сотрудником «среднего академического звена», оставляют в покое, пока он не проявляет себя политически. И так он проживет во «внутренней эмиграции» двенадцать лет до конца войны в 1945 г. Альтернативы, например покинуть Галле, у него нет.

¹ Его жена и дочь по-прежнему живут в Праге. Лишь в 1939 г., перед вступлением Гитлера в Прагу, они бегут в США.

² Как мы знаем сегодня, многие молодые преподаватели ВУЗов, заявившие о своей «приверженности» нацизму, заплатили дорогую цену за свою университетскую карьеру. К ним относятся Г.-Г. Гадамер и Э. Бенц. Оба обязаны своим академическим успехом не в последнюю очередь своей покорности национал-социализму. Филолог-классик Ю. Штенцель, напротив, своей жизнью заплатил за отказ покориться.

Как и прежде в Праге, научные исследования в Галле являются для Чижевского одновременно страстью и спасением. Его убежищем становится библиотека в бывшем здании сиротского приюта, относящаяся к учреждениям Франке, в которой находится одно из самых значительных собраний немецкой литературы XVII века, пиетизма в Галле, мистицизма и эмблематики. Здесь он проводит изыскания сначала для своих «Исследований творчества Сквороды» [37], а затем – исследования германославянских культурных взаимодействий в целом. При этом он делает эпохальное открытие: находит считавшуюся утерянной «Пампедию», главный педагогический труд Я.А. Коменского, моравского философа и педагога XVII столетия. Коменский видел во «всеобщем воспитании» – всестороннем образовании, сочетавшемся со свободным воспитанием человека в согласии с Богом и природой, путь к пансофии, всеобщей мудрости и всеобщему совершенствованию человеческой жизни. Трудно представить себе более резкий контраст, чем между мудростью и человечностью этого сочинения и человеконенавистническим духом национал-социалистической действительности 1934 г. Публикации Чижевского 1935–1943 гг. на чешском, немецком, украинском и русском языках дают представление о том, как сильно укрепило его дух в мрачные годы немецкого фашизма богатое философское наследие его библиотечного убежища. «Пампедия» была опубликована только в 1960 г. [19].

В марте 1944 г. умирает коллега Чижевского, его подруга и деятельный помощник в предшествующие двадцать лет его жизни. В июне 1945 г., когда, в соответствии с ялтинскими соглашениями, американские оккупационные войска в Галле должны были уступить место советским, Чижевский бежит на Запад с несколькими чемоданами, полными рукописей. После того, как он выжил в годы национал-социализма и Второй мировой войны в полном уединении, перспектива быть достигнутым войсками И. Сталина сейчас, спустя двадцать четыре года после его побега из Советской России, вызывает у Чижевского панику. Он спешно покидает свою квартиру. Его библиотека [22, с. 18], состоящая из более чем 4000 томов, остается в Галле. Он едет через Геттинген в Марбург, где в конце ноября 1945 г. должен вновь открыться университет, в котором Ю. Эббингхауз будет профессором философии.

Марбург

В последние два года войны публикационная деятельность была практически полностью парализована, но дух и моральное состояние русско-украинского мигранта в его «двух мирах» западно-восточной культуры и философии не были сломлены.

В октябре 1945 г. Чижевский отправляет письмо Т. Манну и тем самым энергично присоединяется к актуальным немецким дебатам о культуре¹. В мае 1945 г. многие немецкие писатели обратились к Т. Манну с просьбой «ради человечества» вернуться в Германию из его калифорний-

¹ Thomas Mann, Frank Thieß, Walter von Molo: Ein Streitgespräch über die äußere und innere Emigration. Dortmund: Druckschriften Vertriebsdienst 1946 (Дискуссия о «внутренней и внешней эмиграции»).

ской эмиграции и стать духовной опорой для немецкого народа в деле послевоенного восстановления. Т. Манн отказался. Он эмигрировал в США в 1938 г., чтобы защитить себя и свою семью от опасностей гитлеровского режима. Благодаря своему состоянию, которое удалось вывезти за границу, гостевой профессуре в Принстоне и танъемам от издательств за опубликованные в США сочинения, нобелевский лауреат устроил себе в Калифорнии комфортную жизнь. В период с октября 1940 г. по май 1945 г. он, согласно пожеланию BBC, выступал на ее радиостанции перед немецкой публикой, обращаясь к ней с речами в передаче «Немецкие слушатели». В них он разъяснял гнусность национал-социализма, сообщал о преследовании евреев и действительном ходе войны. В эфир вышло пятьдесят пять его выступлений, в которых Т. Манн обращался к совести немецкого народа и от своего лица апеллировал к человечности¹.

В августе 1945 г. Т. Манн обосновывает свой отказ в открытом письме: «На этом величественном берегу, который дышит будущим, я возвел свой дом, под защитой которого я хотел бы завершить дело моей жизни – будучи причастным атмосфере силы, разума, изобилия и мира». Это, должно быть, ранило тех немцев, которые не могли покинуть страну после 1933 г., которые с большим трудом пережили ужасные годы войны и нацистского правления в Германии во «внутренней эмиграции» и которые теперь страдали от голода и прозябали в руинах. Интеллектуалов еще сильнее задевает сокрушительный обобщающий приговор: «...в моих глазах книги, которые вообще могли быть напечатаны в Германии с 1933 по 1945 гг., меньше чем не имеют ценности».

Чижевский обращается в своем семистраничном письме к Т. Манну как эмигрант к эмигранту. Его послание – это выражение конкретного опыта жизни в двух мирах. Он одобряет «открытое и энергичное выступление Манна против национал-социализма» в радиопосланиях из-за океана, но решительно опровергает утверждение Манна, «что все книги, которые можно было напечатать в Германии в период с 1933 по 1945 гг., меньше чем не имеют ценности и должны быть уничтожены... Итак, Вы полагаете, что все мы, немцы и не-немцы, жившие в Германии, были в течение двенадцати лет если не целиком внутренне пронизаны национал-социализмом, то, по крайней мере, каким-то образом заражены, разъедены им изнутри и проштампованы гитлеровской печатью. Я верю и надеюсь, что Вы сильно заблуждаетесь. Я знаю многих крупных, некрупных и очень небольших деятелей культуры, ученых, писателей, музыкантов и даже учителей, которые в течение двенадцати лет не сказали и не сделали ничего, что они не сказали бы и не сделали, даже если бы Гитлера никогда не было» [42А, Чижевский – Т. Манну]².

¹ Mann Th. (2013), Deutsche Hörer. Radiosendungen nach Deutschland aus den Jahren 1940–1945. Frankfurt: Fischer TB, 2013. (Немецкие слушатели. Радиопередачи для Германии с 1940 по 1945 гг.)

² Дубликат этого письма, хранящийся в архиве университетской библиотеки, не имеет даты написания. Она (27/X 1945) была установлена на основании изысканий В. Янца [28, с. 135].

Русский эмигрант, сам вынужденный выживать в Германии и страдать в течение этих двенадцати немислимых лет, защищает здесь немецкую культуру и тех немцев, которые, в отличие от Т. Манна, не имели возможности эмигрировать, и все же сохранили свою культурную и моральную суверенность. Чижевский призывает Т. Манна выступить все же в качестве посредника для «взаимопонимания между Германией и окружающим миром». Мы не знаем, дошло ли это письмо, которое должно было быть доставлено окольными путями из Марбурга через Швейцарию и Чикаго, до своего адресата¹. Неизвестно, что ответил Т. Манн. Важно, однако, то, что – в отличие от эгоцентричного Т. Манна – кантианец Чижевский имеет в виду общее благо, для которого культура при установлении мира играет незаменимую роль.

Ситуация в Марбургском университете приносит Чижевскому разочарование. Было запланировано создание кафедры славянской филологии, которую он должен был возглавить, однако этого так и не произошло. Интриги и клевета в адрес, якобы, «советского шпиона», кажется, препятствуют ему занять должность заведующего кафедрой. Ничего не меняется, когда за друга вступаются два влиятельных экс-фрайбуржца: назначенный в 1945 г. американскими оккупационными властями ректором Марбургского университета философ Ю. Эббингхауз и Х.-Г. Гадамер, который был на тот момент ординарным профессором философии в еще одном гессенском городе – Франкфурте-на-Майне. Четыре года Чижевский преподает в Марбурге лишь в качестве временно исполняющего обязанности руководителя «Славянского семинара». Все попытки с помощью многочисленных друзей в Галле спасти для него его обширную личную библиотеку из этого города [22] также терпят неудачу. Его квартира и библиотека якобы конфискованы мэром Галле, а тома классических произведений были распределены среди русских военных.

В голодные послевоенные годы Чижевский выживает благодаря гуманитарной помощи («CARE packet»), которую ему отправляют из Америки жена и дочь. Но они тоже живут там в нужде. У Лидии скудная зарплата сотрудницы клиники в Чикаго, из которой она также оплачивает учебу Тани. Несмотря на это, женщины делают все возможное, чтобы обеспечить Дмитрия продуктами питания, одеждой, сигаретами и кофе. Обо всем этом можно в деталях узнать из их переписки [42A]. Тана, которая вместе с матерью перебралась из немецкоязычной части Праги в США в возрасте 15 лет, сейчас 21 год. Она не видела своего отца 10 лет. Сначала она шлет ему письма на английском языке, которого отец не понимает, потом переходит на немецкий. Хотя она понимает рус-

¹ Почтовое сообщение американской оккупационной зоны с США в мае 1946 г. действовало. 13 апреля 1946 г. Лидия подтвердила поступление письма Т. Манну в Чикаго. Она пишет: «Жаль, что Т. Манн не получил это письмо немного раньше. Именно сейчас он очень болен и находится на лечении здесь, в больнице Чикагского университета. Но на следующей неделе мы передадим письмо его дочери (Элизабет). Ее муж (профессор Боргезе) читает курс лекций о Данте – каждый вторник вечером, и мы обе [Лидия и Таня] ходим на его лекции, поскольку они превосходны» [42A, Маршак-Чижевская, 13/IV 1946].

ский язык, но писать по-русски не может. Лидия сначала тоже пишет на немецком языке, опасаясь, что письма на русском, возможно, не будут пересылаться американскими цензорами.

В США Таня старается восстановить прежние контакты отца с преподающими сейчас в американских университетах русскими профессорами, чтобы найти для него возможность работать в Америке. В Нью-Хейвене она навещает Г. В. Вернадского, который раньше жил в Праге, а теперь преподаёт русскую историю в Йельском университете. Р. Якобсон также покинул Прагу перед вторжением Гитлера в 1939 г. С 1943 г. он преподаёт феноменологический структурализм в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Ему удастся добиться учреждения для Чижевского должности в Колумбийском университете. Но Чижевский медлит. Письма Тани, умоляющие о приезде, не находят отклика. С трудом добытое место в университете оказывается потеряно.

Даже не зная мнения Чижевского на этот счёт, нетрудно понять, что он опасается, что не сможет продолжить свои германо-славянские культурные исследования после переезда в Америку. В 1946–1947 гг. он работает в Марбурге над «Историей древнерусской литературы XI, XII и XIII веков». Этот том о Киевской эпохе составляет первую «часть далеко идущих планов по истории литературы славянских народов» [33, с. 12]. В нём он указывает на десять других изданий, которые будут посвящены европейской культуре и находятся на стадии подготовки, в том числе «Я. А. Коменский и его план союза народов 1666 г.» (задолго до идеи Канта 1784 г.!) и «Восточная и западная мистика в эпоху барокко». Однако в Марбурге разгораются также и личные конфликты.

США, Гарвардский университет, Кембридж/Массачусетс

В США Р. Якобсон переходит в 1949 г. в Гарвардский университет и снова приглашает Чижевского в качестве гостевого лектора, но теперь с перспективой получения постоянной профессуры в Гарварде. На этот раз Чижевский принимает предложение. Осенью 1949 г. он приступает к работе на «Славянском факультете», где имеет возможность вести свои курсы на русском и украинском языках. Директором отделения является историк М. Карпович, один из основателей американской славистики и издатель выходящего в Нью-Йорке ежеквартального «Нового журнала» (Novyj žurnal).

Несмотря на успешное сотрудничество с М. Карповичем – они выступают соредакторами «Русского литературного архива» – уже в 1953 г. Чижевский хочет вернуться в Европу. В США нарастает массовое антикоммунистическое безумие эпохи Маккарти, при котором все восточно-европейское вызывает подозрение. Происходит травля людей, которых бесосновательно обвиняют в «антиамериканских происках»¹. Проблемы с американской миграционной службой приводят Чижевского в беспо-

¹ Даже Т. Манну приходится защищаться в 1949 г. перед «Комитетом по антиамериканским проискам», который обвинил его в том, что он является «одним из самых значительных в мире защитников Сталина и его сотоварищей». Через год Манн возвращается в Европу и селится со своей семьёй в Швейцарии.

койство. В третий раз в жизни он сталкивается с угрозой политического преследования. «Для меня США – опасная страна», – пишет он 30 января 1956 г. из Гарварда Х.-Г. Гадамеру [42Cd]. Чтобы как можно скорее покинуть страну, в которой он не может освоиться, он сначала ведет переговоры с Кельнским университетом. Но затем Х.-Г. Гадамер, который с 1949 г. является преемником К. Ясперса в должности ординарного профессора философии в Гейдельбергском университете, прикладывает все усилия, чтобы заполучить Чижевского для Гейдельбергского университета. В кратчайшие сроки ему удастся добиться учреждения новой кафедры славистики, а университетский комитет по назначениям выдвигает кандидатуру гарвардского доцента самым почетным образом – *unicoloso*, как единственного кандидата. Х.-Г. Гадамер в своей рекомендации министерству культуры подчеркивает широкую компетенцию и «несравненную оригинальность» ученого: «Чижевский может считаться одним из первых славистов, которые смелой рукой и мощной силой убеждения вплетают славянскую интеллектуальную историю в европейскую. Тем самым, для немецкого образования была открыта неизведанная земля, а для славянского – доказательство его собственной принадлежности к Западу» [42Cd, 15/II 1956].

Гейдельберг

Приглашение отправлено. Уже 11 мая 1956 г., еще до назначения на должность и подписания контракта, администрация университета заявляет, что «господин профессор Дмитрий Чижевский в летнем семестре проводит лекции и практические занятия на философском факультете» [42Cd].

Круг географически замыкается. Гейдельберг, ставший в 1921 г. отправной точкой его жизни на Западе, тридцать пять лет спустя становится местом исполнения его жизненной цели – получения должности профессора в Германии. Хотя и не профессора философии, как первоначально хотелось Чижевскому, но зато с возможностью создания в университете нового института, новой учебной программы и специализированной библиотеки по славистике, в согласии с его представлениями об истории культуры, духовной истории, лингвистике и литературе.

Однако это была бы не настоящая жизнь и уж точно не жизнь Чижевского, если бы его неиссякаемый оптимизм, который позволил ему выстоять в Праге, Галле, пережить национал-социализм и военные годы, клевету в Марбурге и подозрения в США, не потребовался и сейчас. Когда экономная баденская администрация, как уже отмечалось в начале статьи, буквально в последнюю минуту решает не предоставлять 62-летнему Чижевскому должности ординарного профессора, потому что он превысил «максимальный возрастной ценз» и, несмотря на все его заслуги, трудоустроить его всего лишь в качестве гостевого профессора и исполняющего обязанности директора Славянского института, она обязывает его, тем не менее, «надлежащим образом представлять данную область науки на лекциях и практических занятиях». Решив не возвращаться в США, он принимает условия – и преподает до своего 81-летия.

Следует сказать, что Чижевский, невзирая на собственное положение, всегда энергично заступался за своих студентов, докторантов и сотрудников (не все остались ему благодарны). Он четко знал, как продемонстрировать декану, а при необходимости и ректору, недостаток в чем-либо и неотложность решения институтских задач, шла ли речь о дополнительных преподавательских должностях, помещениях, мебели или бюджете на закупку книг. Порой все это было не лишено гоголевского юмора (и превращает чтение институтских документов того времени в литературное удовольствие) [42Cf]. Он добивался своих целей и, возможно, именно это вызывало у некоторых зависть или недоброжелательство.

До начала 1970-х гг., пока филологические специальности еще относились к философскому факультету, связи славистики с философией и историей оставались тесными. Чижевский прибыл в Гейдельберг в 1956 г. с работой «Шеллинг у славян» [42Cd, 7/IV 1956]. В 1959 и 1961 гг. он публикует в двух томах свою работу «Русская история идей» [35; 36]. История культуры славянских стран также относится к сфере его преподавательской деятельности. Лишь в 1964 г. по его инициативе была основана кафедра истории Восточной Европы со своим собственным институтом. Помимо преподавания в Гейдельберге, он также занимает должность экстраординарного профессора кафедры литературоведения Кельнского университета.

В Гейдельберге Чижевский принадлежал к ближайшему кругу Х.-Г. Гадамера. В 1962 г. они совместно инициировали воссоздание Международного общества Гегеля. В этом же году Чижевский по рекомендации Гадамера был принят в члены Гейдельбергской Академии наук в области философии. В письменном «Обосновании» подчеркивалась необычайная широта его научных познаний: «Языковедение, стилистика, эстетика, психология, философия, история религии, социология, но также и специальные области, такие как эмблематика и иконография объединены его всеохватывающим знанием» [42B, 23/VI 1962].

С 1963 г. Чижевский участвовал в работе авторитетной исследовательской группы «Поэтика и герменевтика», созданной Г. Блюменбергом, которая раз в два года проводила коллоквиумы на разнообразные темы¹, делающие возможным плодотворный диалог между философами и теоретиками литературы. В восьмом коллоквиуме «Поэтики и герменевтики» на тему «Идентичность» в 1976 г., за несколько месяцев до своей смерти, он уже не мог принять участие. Сборник материалов конференции, опубликованный в 1979 г., посвящен Дмитрию Чижевскому. Он умирает 18 апреля 1977 г. в возрасте 83-х лет. Его могила находится на кладбище Бергфридхоф в Гейдельберге.

¹ По их результатам в мюнхенском издательстве «Wilhelm Fink», под редакцией различных авторов, публикуются сборники материалов конференции, содержащие дискуссионные доклады.

Литература

Исследования

1. Dmitrij I. Tschizewskij. Impulse eines Philologen und Philosophen für eine komparative Geistesgeschichte / Richter A., Klosterberg B. (Hg.). Münster: LIT, 2009.
2. Haardt A. Husserl in Russland. Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Špet und Alexej Losev. München: Wilhelm Fink, 1993.
3. In memoriam Dmitrij Tschizewskij (1894–1977). Beiträge des Festkolloquiums am 30.4.1997. Slavica varia Halensia / Richter A. (Hg.). Halle (Saale): Institut für Slavistik, 1997.
4. Janzen, W. Die unveröffentlichte Magisterdissertation von Dmitrij I. Tschizewskij Zur Kritik des Formalismus in der Ethik und sein Buch Über den Formalismus in der Ethik // Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie / Haardt A., Plotnikov N. (Hg.). Berlin: LIT, 2011. S. 125–136.
5. Kochis B. List of lectures given in the Prague linguistic circle (1926–1948) // Sound, Sign and Meaning. Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle / Matejka L. (ed.). Ann Arbor: University of Michigan, 1978. P. 607–622.
6. Korthaase W. Der Philosophiehistoriker, Literaturwissenschaftler und Comeniusforscher Dmytro Čyževskýj, Berlin: DCG-MS-Druck, 2000
7. Pritsak O., Ševčenko I. Dmytro Čyževs'ky, in memoriam (23 March 1894 – 18 April 1977) // Harvard Ukrainian Studies. 1977. Vol. 1. No 3. P. 379–406.
8. Roller K. Zwischen Tradition und Moderne. Anmerkungen zu einer Kontroverse in der Heidelberger Philosophie // Auch eine Geschichte der Universität Heidelberg / Buselmeier K., Harth D., Jansen Ch. (Hg.). Mannheim: Edition Quadrat, 1985. S. 229–250.
9. Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894–1977) / Lachmann R. (Hg.). München: Wilhelm Fink, 1983.
10. Treiber H. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955) // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise / Treiber H., Sauerland K. (Hg.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. S. 70–118.
11. Winkel H.-J. Das Slavische Institut der Universität Heidelberg. Zur Geschichte seiner Gründung // Heidelberger Jahrbücher. 1981. Bd. 25. S. 165–178.
12. Кортхаазе В. Дмитрий Чижевский и Родина его выбора – Германия. Берлин: Немецкое общество имени Яна Амоса Коменского, 2003.

Источники

13. Benz E. Geist und Leben der Ostkirche. Hamburg: Rowohlt, 1957.
14. Benz E. Russische Heiligenlegenden / Übersetzung von D. Tschizewskij. Zürich: Die Waage, 1953.
15. Berkefeld W. Ein kleiner Kreis in Halle // Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag / Gerhardt D., Weintraub W., Winkel H.-J. (Hg.). München: Wilhelm Fink, 1966. S. 27–33. 29a.
16. Čiževskij D. Hegel et Nietzsche // Revue d'Histoire de la philosophie. 1929. Nu. 3. P. 321–347.
17. Čiževskij D. Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojevskij-Studien. Reichenberg: Stiepel, 1931. S. 19–50.

18. *Čiževskij D.I.* Aus zwei Welten: Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. Leiden; 'S-Gravenhage: Mouton & Co., 1956.
19. *Comenius J.A.* Pampaedia. Lateinischer Text und deutsche Übersetzung / Hg. von D. Tschizewskij. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1960.
20. Comenius und unsere Zeit. Dmitrij Tschizewskij zum 100. Geburtstag gewidmet / Golz R., Korthaase W., Schäfer E. (Hg.). Baltmannsweiler: Schneider, 1996.
21. *Čyževskij D.* Hegel bei den Slaven. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1934; 2. Aufl. Reichenberg i. B.: Stiepel, 1961.
22. Dimitrij I. Tschizewskij und seine Hallesche Privatbibliothek / Richter A. (Hg.). Münster: LIT, 2003.
23. *Drüll D.* Heidelberger Gelehrtenlexikon 1933–1986. Heidelberg: Springer, 2009.
24. Erklärung des Herausgebers // Der russische Gedanke. 1929. 1(2). S. 113–115.
25. *Gadamer H.-G.* Philosophische Lehrjahre. Frankfurt: Klostermann, 1977.
26. *Gerhardt D.* Schriftenverzeichnis von D.I. Čyževskij (1912–1954) // Festschrift für Dmytro Čyževskij zum 60. Geburtstag / Vasmer M. (Hg.). Berlin, Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. S. 1–34.
27. *Jakovenko B.V.* Edmund Husserl und die russische Philosophie // Der russische Gedanke. 1929. 1(2). S. 210–212.
28. *Janzen W. D. I.* Tschizewskij an Thomas Mann // Bielfeldt S. Dmitrij Tschizewskij und Ludolf Müller erinnern: Abendland, Morgenland. München: Otto Sagner, 2015. S. 135–152.
29. *Kasack W.* Heidelberger russische Periodika: alphabetisches Verzeichnis der 154 russischen Periodika des Slavischen Instituts und der Universitätsbibliothek Heidelberg. Heidelberg, 1952.
30. Rede Prof. Dr. D. Gerhardts (Hamburg) am 5. April 1964 // Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag / Gerhardt D., Weintraub W., Winkel H.-J. (Hg.). München: Wilhelm Fink, 1966. S. 19–21.
31. *Rickert H.* Die Philosophie des Lebens. Darstellung und Kritik der philosophischen Modeströmungen unserer Zeit. Tübingen: Mohr, 1920.
32. *Stepun F.* Vergangenes und Vergängliches. Aus meinem Leben. I. München: Kösel, 1947.
33. *Tschizewskij D.* Altrussische Literaturgeschichte im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1948.
34. *Tschizewskij D.* Prager Erinnerungen: Herkunft des Prager linguistischen Zirkels und seine Leistungen [1975] // Sound, Sign and Meaning. Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle / Matejka L. (Ed.). Ann Arbor: University of Michigan, 1978. P. 15–28.
35. *Tschizewskij D.* Russische Geistesgeschichte. I. Das heilige Russland, 10.-17. Jahrhundert. Hamburg: Rowohlt, 1959.
36. *Tschizewskij D.* Russische Geistesgeschichte. II. Zwischen Ost und West. 18.-20. Jahrhundert. Hamburg: Rowohlt, 1961.
37. *Tschizewskij D.* Skovorda-Studien // Zeitschrift für slavische Philologie (ZfslPh). 1930. No. 7 (1–2). S. 1–33; ZfslPh. 1933. No. 10 (1–2). S. 51–72; ZfslPh. 1935. No. 12 (1–2). S. 53–78; ZfslPh. 1935. No. 12 (3–4). S. 308–332; Literarische Lesefrüchte III. ZfslPh. 1934. No. 11 (1–2). S. 21–33; ZfslPh. 1936. No. 13 (1–2). S. 51–76; ZfslPh. 1937. No. 14 (3–4). S. 331–354.
38. *Tschizewskij D.* Skovoroda, ein ukrainischer Philosoph (1722–1794) // Der russische Gedanke. 1929. 1(2). S. 163–176.

39. *Wigersma B.* Internationaler Hegel-Bund. Bd. 1: Verhandlungen des ersten Hegelkongresses 22.-25. April 1930 im Haag, Tübingen: Mohr (Siebeck), 1931. S. 127–145; Bd. 2: Verhandlungen des zweiten Hegelkongresses 18.-21. Oktober 1931 in Berlin: Konferenzschrift, 1932.
40. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Часть первая: Прологомены к чистой логике. СПб.: Книгоиздательство «Образование», 1909.
41. *Гуссерль Э.* Философия, как строгая наука // Логос. Кн. 1. М., 1911. С. 1–56.
42. Источники из Гейдельбергских Архивов:
 - A. Университетская библиотека, рукописный отдел: Heid.Ns.3881: Часть личной корреспонденции 1945–1977 гг.;
 - B. Гейдельбергская Академия наук: HAW 481, 115;
 - C. Университетский архив:
 - a. УАН Rep. 133, 1–372 Письма Чижевского приятельнице Ф. Х., 1924–1944 гг.;
 - b. УАН В-8025/1 Допущение иностранцев к зачислению, 1919–1921 гг.;
 - c. УАН Академическая квестура: ведомости записей иностранцев (Rep 29-433);
 - d. УАН Н-IV-582/1 Дело назначение Чижевского;
 - e. УАН РА 7252 Личное дело Чижевского 1956–1977 гг.;
 - f. УАН Rep. 164/4 Институт славистики.
43. *Чижевский Д.И.* Гегель в России. Париж, 1939.
44. *Чижевский Д.И.* Гегель и французская революция // Научный сборник Украинского педагогического института в Праге. 1929. Т. 1. С. 469–504.
45. *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / Сост., вступ. ст. В. Янцена. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007.
46. *Чижевський Д. І.* Філософія на Україні. 2-е вид. Прага: Sijatsch, 1926.
47. *Чижевський Д. І.* Логіка: Конспект лекцій, прочитаних у Вищому педагогічному інституті ім М. Драгоманова у Празі в літньому семестрі 1924 року. Прага, 1924.

Flickinger, Brigitte. *Dmitry Ivanovich Chizhevsky: in two worlds*

References

1. Richter, A., Klosterberg, B. (Hg.) (2009), *Dmitrij I. Tschizewskij. Impulse eines Philologen und Philosophen für eine komparative Geistesgeschichte*, Münster: LIT.
2. Haardt, A. (1993), *Husserl in Russland. Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Špet und Alexej Losev*, München: Wilhelm Fink.
3. Richter, A. (Hg.) (1997), *In memoriam Dmitrij Tschizewskij (1894–1977)*, Halle (Saale): Institut für Slavistik, Beiträge des Festkolloquiums am 30.4.1997, in der Reihe: Slavica varia Halensia.
4. Janzen, W. (2011), Die unveröffentlichte Magisterdissertation von Dmitrij I. Tschizewskij Zur Kritik des Formalismus in der Ethik und sein Buch Über den Formalismus in der Ethik, in: Haardt A., Plotnikov N. (Hg.), *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie*, Berlin: LIT, S. 125–136.
5. Kochis, B. (1978), List of lectures given in the Prague linguistic circle (1926–1948), in: Matejka, L. (ed.), *Sound, Sign and Meaning. Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle*, University of Michigan, Ann Arbor, pp. 607–622.

6. Korthaase, W. (2000), *Der Philosophiehistoriker, Literaturwissenschaftler und Comeniusforscher Dmytro Čyževskýj*, Berlin: DCG-MS-Druck.
7. Pritsak, O., Ševčenko, I. (1977), Dmytro Čyževs'ky, in memoriam (23 March 1894 – 18 April 1977), in: *Harvard Ukrainian Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 379–406.
8. Roller, K. (1985), Zwischen Tradition und Moderne. Anmerkungen zu einer Kontroverse in der Heidelberger Philosophie, in: Buselmeier K., Harth D., Jansen Ch. (Hg.), *Auch eine Geschichte der Universität Heidelberg*, Mannheim: Edition Quadrat, S. 229–250.
9. Lachmann, R. (Hg.) (1983), *Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für Dmitrij Tschizewskij (1894-1977)*, München: Wilhelm Fink.
10. Treiber, H. (1995), Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955), in: Treiber H., Sauerland, K. (Hg.), *Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise*, Opladen: Westdeutscher Verlag, S. 70–118.
11. Winkel, H.-J. (1981), Das Slavische Institut der Universität Heidelberg. Zur Geschichte seiner Gründung, in: *Heidelberger Jahrbücher*, Bd. 25, S. 165–178.
12. Korthaase, V. (2003), *Dmitriy Chizhevskiy i Rodina yego vybora – Germaniya* [Dmitry Chizhevsky and the Homeland of His Choice – Germany], Berlin: Nemet-skoye obshchestvo imeni Yana Amosa Komenskogo.